

ДНЕВНИКИ, ВОСПОМИНАНИЯ

ХУАН ГОЙТИСОЛО

ВСТРЕЧАЯСЬ С ХЕМИНГУЭЕМ

Это было летом 1959 года. Мы с женой проводили отпуск в Торремолинос вместе с нашей приятельницей Флоранс Мальро, дочерью писателя и нынешнего министра культуры в правительстве де Голля. В один из дней августовской ярмарки в Малаге мы приехали в этот город и решили пойти посмотреть бой быков. В ту пору газеты много писали о пребывании Хемингуэя в Испании, приводили его высказывания по поводу соперничества между двумя знаменитыми тореро — Антонио Ордоньесом и Луисом Мигелем Домингином. Помню, как, подходя к стадиону, моя жена сказала: «Что если мы его тут встретим?» Эта мысль показалась мне абсолютно нереальной: программа вечера была малоинтересной — в афише не значилось ни одного громкого имени. Велико же было мое удивление, когда по ту сторону арены, у барьера, я разглядел хорошо знакомую фигуру писателя. Публика его не узнала (в Испании весьма почитают футболистов, тореро, велосипедистов, но отнюдь не писателей), а он, видимо, так же, как и мы, скучал, глядя на неловких молодых тореро. Рядом с ним была какая-то пожилая пара и молодая девушка; мы видели, как время от времени он прикладывался к фляжке с вином.

В тот вечер мы с большим вниманием наблюдали за Хемингуэем, чем за неуклюжими выпадами матадоров, и по окончании корриды ринулись разыскивать его в толпе, но — тщетно. Я уже готов был отчаяться, когда жена сказала: «Поедем в бар лучшего отеля Малаги. Ручаюсь, что он там». Несколько минут спустя мы уже были в холле гостиницы и увидели одного из его спутников. Жена подошла и сказала по-английски:

- Мы желали бы поговорить с мистером Хемингуэем.
- Как вас отрекомендовать?
- Скажите, дочь Андре Мальро хочет поздороваться с ним.

Мы знали, что Мальро и Хемингуэй познакомились на войне в Испании. Расчет наш оправдался. Американец, сопровождавший Хемингуэя, провел нас в бар и представил. Хемингуэй частенько бывал не очень любезен с людьми, но на сей раз проявил неожиданную сердечность. С характерной для него прямоотой он обратился к нашей приятельнице:

— Объясните мне одну вещь. Отчего такой умный человек, как ваш отец, мог соблазниться властью? Художник не должен иметь иного честолюбия, кроме творческого.

Мы подсели к его столу, и он представил нас своим друзьям: мистер и миссис Дэви — американская чета, уже давно обосновавшаяся в Малаге, вот уже несколько недель он пользуется их гостеприимством, и Валери Смит — ирландская девушка, которая два месяца назад приехала, чтобы с ним встретиться, и с тех пор никак не соберется домой. Мы беседовали о быках, о политике, о литературе. Хемингуэй говорил обо всем с великолепным знанием дела, а его осведомленность в испанской литературе — в литературе молодых — меня просто поразила. Старший брат Домингина пересылал ему наши произведения, и, насколько я помню, он отзывался о них с интересом и благожелательностью. Когда кто-то из присутствовавших упомянул имя итальянского писателя Чезаре Павезе, Хемингуэй покачал головой и сказал: «Хороший был писатель, а вот покончил с собой. Я не понимаю, как может человек покончить с собой». Много раз, уже после самоубийства Хемингуэя, я задумывался над этой фразой.

Произнося эти слова, Хемингуэй, без сомнения, не кривил душою. Но тогда мы истолковали их неверно. Казалось, Хемингуэй боялся поддаться искушению покончить с собой (его отец застрелился сорока лет отроду) и на свой лад боролся с этим искушением: подобно, что ли, солдату, который в разгар боя шепчет заклинание: «А я не боюсь умереть», стараясь придать себе бодрости и надеясь чудом уцелеть. Выражая свое мнение о Павезе, Хемингуэй словно обращался не к нам, а к себе, — мы были лишь свидетелями его намерения не уступать дьяволу-искусителю. Только два года спустя после страшного известия о его смерти до меня дошел истинный смысл его фразы. Не знающий усталый боец Хемингуэй пал в борьбе, которая безмолвно происходила в нем самом. Случайность? Припадок безумия? Нет. Кульминация жизни. Вспышка ружейного выстрела в Солнечной долине удивительным образом осветила вдруг страшное духовное напряжение, определявшее его двойственную судьбу — человека и писателя.

В тот вечер Хемингуэй перевел разговор на другую тему. Говорил о Кубе (где жил в течение последних лет) и о ее революции. Сравнивал народный энтузиазм с тем, что видел в Испании в 1936 году, и сказал, что дело, за которое сражались Фидель и его товарищи из «Движения 26 июля», — большое и справедливое.

— Американское правительство просчиталось, защищая то, что само по себе защищаемо, — добавил он.

Мы не заметили, как прошло время, и, когда прощались, Хемингуэй обнял меня и расцеловал обеих моих спутниц, пригласив нас на завтра к себе. Его приглашение не было простой любезностью — по той сердечности и настойчивости, с какой он снова и снова повторял его, я понял, что он включил нас в узкий круг друзей и впредь готов считать нас полноправными членами «квадрилей»* своих почитателей.

Увлеченные разговорами, мы совсем забыли, что наши друзья из Торремолинос ждут нас к ужину, и явились к ним чуть ли не к полуночи. Мы с волнением ждали следующего дня и нового свидания с Хемингуэем, но неожиданное обстоятельство нарушило наши планы: Антонио Ордоньес, серьезно раненный быком, который поднял его на рога, был отправлен в мадридскую клинику. Хемингуэй тотчас переселился в Мадрид вместе с Валери и супругами Дэви. В гостинице нам вручили его записку — он извинялся и просил приехать повидаться на ярмарку в Ниме недели через две.

Мы вернулись в Париж. Несколько дней спустя получили от Хемингуэя письмо. Он подробно рассказывал, как произошло несчастье, и сообщал, что тореро скоро поправится. Вновь упоминал о своем намерении поехать на ярмарку в Ниме и со своим обычным великодушием предлагал оплатить наши расходы, связанные с поездкой, если с финансами у нас трудновато.

Мы встретились в Ниме накануне корриды. У Хемингуэя, как всегда, была в кармане фляжка с виски, и после поцелуев и дружеских объятий он предложил нам выпить. Он казался утомленным после путешествия, но обед и доброе тавельское вино его приободрили. Вместе с нами за столом сидел Ордоньес и старший брат Домингина. Выходцу из бедной семьи, Ордоньесу так и не пришлось учиться и, пародируя манеру власть имущих называть молодых тореро по имени их родного города («малый из Пальмы», «малый из Уэльвы» и т. п.), он называл Шекспира «малым из Лондона». Меня вновь поразило и порадовало интерес Хемингуэя к нашей молодой литературе.

Ужин прошел очень весело, а потом Хемингуэй пригласил всех нас в свою комнату. Его неразлучная спутница — фляжка с виски — была, как всегда, с ним. Ордоньеса он отправил спать: «Надо дать ему отдохнуть. Завтрашняя коррида много значит для него. После ранения нужно показать публике, что он умеет делать с хорошим быком».

Я помню, мы говорили о быках, и Хемингуэй поделился с нами некоторыми своими мыслями, которые потом развил в репортаже для журнала «Лайф». Манолете он считал типичным образцом плохого тореро, а Домингина, несмотря на свою с ним дружбу, — слишком холодным и рассудочным. «Единственный тореро, — говорил он, — искусство которого отвечает классическим канонам, — это Ордоньес».

— Что вы подразумеваете под словом «классик» применительно к профессии тореро? — спросил кто-то из присутствующих.

— Абсолютное уважение бычьего достоинства, — не задумываясь, ответил Хемингуэй.

На следующий день мы снова встретились — в саду возле отеля. Мы потягивали тавельское, а Ордоньес со своей квадрилей раздавал автографы (в глазах его поклонников он был фигурой куда более значительной, чем Хемингуэй, который интересовал публику лишь в качестве друга великого тореро). Неподалеку от нас расположились с полдюжины американок и французенок, кочевавших вслед за своими любимчиками тореро из одного города в другой, на свой лад заполняя пустоту своей жизни. Хемингуэй знал их всех по имени и дружески называл «каторжницами».

В тот вечер Ордоньес выступил с огромным успехом, и после праздничного обеда я поехал с ним и с Доминго Домингином в Барселону, а Хемингуэй отправился с Валери и супругами Дэви в Париж. Недели через две я заехал повидать его в имение Дэви в Чурриане близ Малаги. Хемингуэя я застал за очередным репортажем о бое быков, но, отложив рукописи, он показал мне комнату, в которой работал, и пригласил распить бу-

* Команда, группа (исп.). Обычно так называется команда тореро.

тылку тавельского. Он сказал, что возраст берет свое и уже заставляет беречься: тавельское, пожалуй, наименее вредно для печени.

— Никогда не надо спешить умереть,— проговорил он задумчиво.— Жизнь всегда что-то дает.

Когда три бутылки были опорожнены, я ушел, а он заперся в своем рабочем кабинете. Еще через несколько недель я снова встретил его в Париже. Жил он в отеле «Ритц». Мы вместе поужинали в китайском ресторане. Сезон корриды окончился, и он собирался вернуться на Кубу.

В ту зиму — 1959-1960 гг.— мы получили от него несколько писем, написанных по-английски пополам с испанскими и французскими выражениями и фразами. Он говорил об «income tax» * (неизбежная тема разговора всех американцев) и о своих домашних делах, о любви, о смерти, о самоубийстве. Его последнее письмо датировано июнем 1960 года. Тем летом он был в Испании, но мы жили во Франции и не смогли повидать его. Наши друзья, побывавшие тогда у него, нашли его грустным и постаревшим. Здоровье его ухудшилось, и врачи запретили ему пить.

Известие о его смерти обрушилось на нас в тот самый день, когда — летом 1961 года — мы приехали в Испанию. Прошли первые минуты оцепенения, и смысл его самоубийства вдруг как-то сам собой раскрылся: Хемингуэй пал, как солдат в бою, — умер в седле. Мы потеряли не только великого писателя, но и близкого друга.

Во время своей первой поездки на Кубу я побывал в доме в Сан-Франсиско-де-Пауло, ныне превращенном в музей. Тогда дом был почти заброшен, по саду бродили совсем одичавшие кошки, которых он так любил при жизни. Я вошел в его комнату и над изголовьем кровати увидел фотографию: он — в форме республиканца на мадридском фронте зимой 1939 года.

Снова сорокалетний и молодой, Хемингуэй, казалось, смотрел в глаза жизни прямо и мужественно. Мысль о том, что он сдался смерти, больше ко мне не приходила, навязчивая мысль о том, кто кого победил. Он погиб, но слава его осталась жить.

Перевод с испанского
М. БЫЛИНКИНОЙ

* Подоходный налог (англ.).